

ченію замороженнаго мяса изъ другихъ странъ, что сохранило бы скотъ во Франціи и понизило бы цѣны на мясо, отъ дороговизны котораго такъ страдаетъ населеніе.

Но для этого нужны были особые склады, гдѣ бы хранились большія партіи замороженнаго мяса, а ихъ не было во Франціи; между тѣмъ употребленіе въ пищу замороженнаго мяса безвреднѣе консервовъ, хотя они несомнѣнно удобнѣе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимы. Каждая жестянка консервовъ содержитъ 300 гр.; они долго сохраняются и незамѣнимы при движеніи войскъ; къ нимъ прибѣгаютъ также, когда является недостатокъ въ свѣжемъ мясѣ или когда нельзя варить мясо въ виду общности непріятеля; наконецъ, когда на фронтѣ не было еще подвижныхъ кухонь, приходилось пользоваться консервами. Но долго кормить солдатъ мясными консервами нельзя: это дурно вліяетъ на здоровье; поэтому теперь стали готовить консервы изъ мяса и овощей; это и здоровѣе, и дешевле.

А. Т—ъ

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ дневника участника Кавказскаго фронта.

(Продолженіе). *)

Въ другой разъ проѣхалъ на конѣ съ нѣсколькими курдами извѣстный предводитель персидскихъ курдовъ Абдуль-Резакъ (Абдуррезакъ), чрезвычайно интересная личность. Курдь по происхожденію, онъ получилъ европейское образованіе въ Парижѣ, отлично, разумѣется, говоритъ по-французски, объясняется немного и по-русски. Это бывшій министръ двора при турецкомъ султанѣ Абдуль-Гамидѣ, сторонникъ стараго режима, а потому сидѣлъ уже тамъ въ тюрьмѣ, потомъ былъ выпущенъ на свободу и перешелъ въ Персію, жилъ въ Маку и теперь является сторонникомъ Россіи. Въ виду того, что турки зашевелились и наступаютъ на занятые нами Башкалу и Сарай, онъ примчался изъ Дильмана, обѣщая въ двѣ недѣли поставить отрядъ изъ тысячъ пяти курдовъ. Конечно, хорошо уже то, что эти курды не на сторонѣ нашего врага, но большая ли и существенная ли польза отъ ихъ помощи—трудно сказать. Казаки, по крайней мѣрѣ, относятся къ нимъ скептически. Главная ихъ цѣль, повидимому, пограбить, поживиться, гдѣ можно, порѣзать побольше людей, даже хотя бы мирныхъ жителей, а последнее не входитъ въ наши планы. Придется сдерживать курдовъ, что вызоветъ недо-

*) См. «Военный Сборникъ» № 6, 1916 г. Авторъ—туркестанецъ, чѣмъ и объясняются всюду его сравненія со Ср. Азіей.

вольство послѣднихъ. Можетъ быть, впрочемъ, самъ Абдуррезакъ сумѣетъ держать ихъ крѣпко въ рукахъ, тогда отъ нихъ будетъ одна польза. Поживемъ—увидимъ...

Пріѣзжали къ намъ гости изъ самаго Петрограда: начальникъ 3-го санитарнаго отряда Государственной Думы, членъ ея Джафаровъ, главный санитаръ отряда Садыковъ и бывший переводимецъ, литераторъ, какъ онъ себя отрекомендовалъ, Крюковъ. Пріѣзжали узнать, нуженъ ли на этомъ фронтѣ ихъ отрядъ, гдѣ и какъ можно съ нимъ расположиться. Убийственныя дороги, непролазная грязь убѣдили, кажется, ихъ въ невозможности развернуться именно здѣсь, въ виду громадскости отряда, имѣющаго до 40 санитаровъ, свыше 30 сестеръ милосердія и до 1000 пудовъ одной клади. Конечно, здѣсь необходимо усовершенствовать перевозку раненыхъ, оборудовать лучше лазареты, устроить питательные пункты, но они рѣшили не раздѣляться, а развернуться полностью, гдѣ позволятъ обстоятельства... Пытались они проѣхать въ Дильманъ на автомобиль «Fiat», но какъ ни силенъ онъ, а пришлось вернуться обратно и сѣздить уже обычнымъ порядкомъ, на фэтонѣ...

3.

Вмѣстѣ съ нашими почетными гостями, консуломъ, единственной здѣсь сестрой милосердія и другими членами нашей «колоніи» вечеромъ 30-го ноября, въ двухъ экипажахъ отправились на обѣдъ къ здѣшнему Хойскому миллионеру, владѣльцу значительной части города, нашихъ караванъ-сараевъ, зданій лазарета и консульства, бывшему раньше и. д. нашего вице-консула, мѣстному «таджирь-башѣ»—купеческому старшинѣ...

Впереди и сзади насъ ѣхалъ эскортъ изъ казаковъ. Проѣхали черезъ первыя ворота. Внизу тьма кромѣшная. Ухабы, покатошь—того и гляди, сверзишься въ глубокой оврагъ. Вотъ «тоннель». Всюду въ магазинахъ темно. Изрѣдка висятъ керосиновыя коптилки подъ самыми сводами. Почти совершенно безлюдно, только остервенѣло бросаются злыя собаки, да стража вскакиваетъ и отдаетъ по военному честь. Мрачно, таинственно, словно въ подземельи. Напоминаетъ почему-то средневѣковье. Проѣхали такъ до конца главной улицы, съ поль-версты, а потомъ свернули налево и быстро въѣхали въ самый городъ. Обыкновенные восточнаго типа дома. Вотъ арка-жилъе надъ улицей. Бучеру приходится нагибаться... Узко чрезвычайно. По сторонамъ, видимо, магазины. Кой-гдѣ свѣтится огонекъ. Вотъ выстроился обходъ изъ нашихъ

ополченцевъ... На улицѣ словно мостовая, правда плохая. Деревья тянутся по берегу арыка... Сворачиваемъ направо. Все время переѣзжаемъ то на лѣвый, то на правый берегъ арыка. Едва помѣщается экипажъ. Вотъ каменная стѣна, а напротивъ входъ въ помещеніе «таджирь-башѣ». Встрѣтилъ насъ у лѣстницы самъ хозяинъ, а дальше братъ его первой жены, объясняющійся по-французски...

Комната небольшая, съ низкимъ потолкомъ... Всюду ниши: вверху меньшія, внизу большихъ размѣровъ. По стѣнамъ ковры закрываютъ входъ, два окна и дверь во внутреннее помещеніе. Налѣво посрединѣ очагъ для топки, но, должно быть, не обогрѣваетъ, такъ какъ къ нему проведена труба отъ желѣзной обыкновенной печки, на которой стоитъ чашка съ водой. По бокамъ маленькіе столики съ лампами европейскаго типа на длинныхъ подставкахъ, но горѣлки—два рядомъ коптильныхъ фитиля. Стоять стулья, большой столъ, накрытый на европейскій ладъ. Полъ устланъ коврами хорошаго достоинства.

Когда пришли мы, подали на поднось чай съ сахаромъ. Общій разговоръ не могъ завязаться, такъ какъ хозяинъ говорилъ лишь по-персидски, а потому отдувался за всѣхъ нашъ симпатичный консулъ Николай Михайловичъ Кирсановъ, да изрѣдка членъ Государственной Думы Джафаровъ. Сестру милосердія попросили пройти въ «эндерупъ», внутреннее помещеніе, посѣтить жену хозяина, красивую персіанку изъ Тегерана. У него было всего три жены: одна, подарившая ему наследника, умерла, осталось двѣ, изъ коихъ одной всего 10 лѣтъ. Одѣта была главная жена по-европейски, въ дорогой шали...

Послѣ возвращенія сестры, пригласили всѣхъ къ столу. Заняли мѣста... Лакей-персъ обносилъ сначала по куску на каждого, а вторично блюдо съ большимъ количествомъ, но подавалъ только болѣе почетнымъ гостямъ... Послѣдовательно угостили: кебабомъ, супомъ съ потрохами, жаркимъ—курицей, пилавомъ изъ курицы съ рисомъ, который можно выбрать по зернышку. Послѣ всего подали кофе съ имбиремъ. На столѣ стоялъ, кромѣ того, вкусный овечій сыръ, лавашъ, конфѣкты, кахетинское вино, а затѣмъ кавказское шампанское «Эра»... Было рядъ тостовъ. Отвѣчалъ и хозяинъ, и братъ его жены, пришедшій къ столу въ концѣ обѣда.

Послѣ этого встали, поблагодарили хозяина и сейчасъ почти разошлись, такъ какъ хозяину, видимо, было чрезвычайно скучно и онъ засыпалъ...

Погода стоитъ все время переменчивая: то сыпетъ снѣгъ и слегка морозитъ; то спустится густой, непроницаемый туманъ; то проглянетъ солнышко, все растопитъ и тогда кругомъ непроглядная грязь—ни пройти, ни проѣхать... Не то, конечно, на позиціяхъ въ горахъ... Тамъ царитъ настоящая зима; вѣдь разница въ высотѣ громадная: здѣсь 3250 фут., а на перевалахъ доходитъ до 9000 ф. Тамъ высоко, сильные морозы... Приходится бороться и съ ними, и съ турками, и съ ихъ союзниками—курдами, пробующими наступать съ цѣлью прорваться въ тылъ нашего расположенія и тѣмъ заставить бросить важнѣйшіе перевалы и проходы, занятые нами...

Официальныя сообщенія гласятъ, что «во второй половинѣ ноября турки, значительно усилившись частями Багдадскаго корпуса и новыми формированіями, перешли въ долину Евфрата и въ Вавскомъ районѣ въ наступленіе, вылившееся въ цѣломъ рядѣ боевъ у Сарая, Асурли и Деера. Однако эти бои неизмѣнно заканчиваются пораженіями турокъ и отступленіемъ ихъ отрядовъ. Большой уронъ турокъ въ этихъ бояхъ убитыми, ранеными и плѣнными и захватъ нами орудій и боевыхъ припасовъ привели къ серьезному разстройству турецкихъ отрядовъ, оперирующихъ на этихъ направленіяхъ, и многія турецкія части, согласно провереннымъ даннымъ, насчитываютъ лишь половину своего первоначальнаго состава».

Бои развивались одновременно у Башкала, Асурли и Сарая. Вслѣдствіе появленія значительныхъ массъ противника, наши передовыя части отошли къ главнымъ силамъ.

Пришлось оставить Сарай. Оттуда 6-го декабря появились въ Хоѣ туземцы подъ охраной нашихъ солдатъ. Все—армяне и айсоры. Молодежи мало: часть взята на службу турками, часть перерѣзана курдами, а часть осталась для помощи нашимъ войскамъ, и только немногіе пришли со своими семьями.

Кто шелъ пѣшкомъ, кто ѣхалъ на осликахъ. У нѣкоторыхъ все имущество брошено на произволъ судьбы и каждый изъ нихъ можетъ смѣло сказать «omnia mea mecum porto», ничего за душой нѣтъ. Другіе, болѣе зажиточные прихватили на осликахъ сундуки со скарбомъ, пригнали коровенку... Большинство дѣтей и женщинъ, даже съ грудными младенцами... Сердобольные солдаты разобрали бѣженцевъ по казармамъ, уступивъ комнаты, нары;

дали возможность обогрѣться, удѣлили хлѣба... Вообще приняла горячее участіе... Одна айсорка все время неутѣшно рыдала. При отходѣ изъ Сарая нагрузила она на ослика двухъ ребятъ. Одного потомъ взялъ къ себѣ сосѣдь, а съ другимъ во время суматохи осликъ ушелъ неизвѣстно куда... Да, тяжелая изнанка войны...

А вотъ другая картинка, не менѣе тяжелая. Привезли изъ тѣхъ же мѣстъ партію раненыхъ. Тянулись они дня два. Холодно бѣднымъ... Мучительно... Изстрадались за дорогу, хотя перевозка довольно удобная. Берутся двѣ длинныхъ прочныхъ жерди, привязываемыя, какъ оглобли по обоимъ концамъ къ осликамъ, катерамъ или даже лошадамъ. Посрединѣ жерди оплетаются веревками, на которыхъ устраивается постель, такъ что раненый лежитъ, какъ въ гамакѣ. Только на одной парѣ носилки были плохо пригнаны и все свѣшивались на бокъ, причиняя боль раненому, все время со страданіемъ въ голосъ спрашивавшему, скоро ли лазаретъ... Одинъ казакъ везъ оглушенную выстрѣлами горную курочку, которую и передалъ сестрѣ милосердія, чтобы она ее сберегла...

Вслѣдъ за ранеными съ позицій привезли на двухъ верлюдахъ связанныхъ вмѣстѣ убитыхъ, притороченныхъ, какъ вьюкъ и прикрытыхъ сверху брезентомъ. Доставили для погребенія поближе къ роднымъ предѣламъ...

Навстрѣчу привезли раненыхъ, эвакуируемыхъ въ Джульфу изъ мѣстнаго лазарета. Наши спокойно переносятъ страданія, а турки кричатъ благимъ матомъ, словно ихъ рѣжутъ. Или это нарочно для персовъ?

Всѣ эти событія совпали съ Царскимъ днемъ, 6-го декабря, который торжественно отпраздновался мѣстнымъ гарнизономъ. Былъ молебень, былъ парадъ войскамъ, послѣ котораго къ разукрашенному флагами зданію консульства потянулась депутация мѣстныхъ армянъ. Шли съ обнаженными головами. Впереди несли портретъ Государя съ Государыней, а затѣмъ транспарантъ съ надписью: вверху—«Боже, Царя храни», внизу—«да здравствуетъ великая Россія». Дальше шли парами ученики и ученицы мѣстныхъ армянскихъ школъ съ флажками въ рукахъ и что-то дружно пѣли... Вышелъ вице-консулъ, сказалъ рѣчь, покрытую криками «ура».

Одинъ изъ священниковъ, бѣжавшій изъ Сарая, раздавалъ просфоры-облатки, привезенныя изъ церкви родного селенія: круглыя, плоскія, тонкія, изъ бѣлой муки; наверху выжато изображе-

ніе Воскресенія Христова. Депутація съ пѣніемъ возвратилась въ городъ Хой.

Вечеромъ среди тумана красиво вырисовывалось, словно таинственный замокъ, зданіе консульства, иллюминированное фонарями со свѣчами по наружной стѣнѣ съ башенками...

5.

Наши отбили турокъ отъ Котурскаго перевала, разбили въ ночномъ бою у сел. Рази на самой турецкой границѣ, благодаря мастерскому дѣйствию артилеріи, до пяти тысячъ турокъ и курдовъ и отбросили ихъ полчища къ Сарая, но послѣдній не заняли, такъ какъ имѣтъ за собой заваленные снѣгомъ перевалы безъ достаточнаго количества войскъ рискованно пожалуй... Такимъ образомъ операція турокъ окончились неудачей и, какъ оффиціально подтверждено 14-го декабря, «на Ванскомъ направленіи противникъ послѣ упорнаго сопротивленія, понесъ значительныя потери, отступилъ на линію Сарай—Асурли»...

Противъ Котура наступало до 25-ти тысячъ, среди которыхъ регулярныя войска и курдская конница. Много интереснаго рассказываютъ очевидцы про ея дѣйствія въ горахъ. На маленькихъ выносливыхъ лошадакахъ забираются они длинной цѣпью по извѣстнымъ лишь имъ однимъ козьимъ тропкамъ на большія высоты; незамѣтно окружаютъ нашихъ и, спѣшившись, залегаютъ, оставивъ за прикрытіемъ своихъ привычныхъ коней, и открываютъ усиленный огонь. Пока наши успѣютъ пристрѣляться по невидимымъ цѣлямъ, курды, выхвативъ нѣсколько жертвъ, бросаются впопыхахъ наутекъ... А тамъ появляются совершенно неожиданно въ другомъ мѣстѣ. Трудно тутъ съ ними бороться: они какъ у себя дома въ горахъ. Въ атаку же идутъ плохо и очень охотно при случаѣ сдаются. Такъ, во время послѣднихъ боевъ у Сарая сдалось сразу пять полковъ. Они, говорятъ, распущены по домамъ, командиры же ихъ, въ числѣ четырехъ (пятый скрылся), доставлены въ Хой и приняты мѣстнымъ губернаторомъ въ качествѣ заложниковъ. Все-таки острастка на всякій случай не помѣшаетъ...

Несмотря на тяжелыя условія жизни, здоровье и духъ войскъ отличный. Встрѣчаются, правда, обмороженные и тифозные, но въ небольшомъ числѣ. Въ занятыхъ селеніяхъ найдено много фуража, и солдаты отлично устроились на душистомъ горномъ снѣгѣ. Питаніе хорошее, сами рѣжутъ скотину, она идетъ въ котель — и сытно, и вкусно... За то сообщеніе ненадежное. Продѣланы тропы, по которымъ шествуютъ караваны верблюдовъ съ хлѣбомъ и дру-

гими припасами. Не дай Богъ гололедица — того и гляди, верблюдъ сорвется съ кручи въ пропасть... Что здѣсь хорошо, такъ это воздухъ, не каждому, правда, полезный. А какая кругомъ красота, когда засіяетъ яркое солнце, заблеститъ снѣгъ! Вездѣ есть своя прелесть, не надо только проходить мимо нея... Свыклись съ горной природой наши войска и чувствуютъ себя не хуже курдовъ Абдуррезака, стоящаго на нашемъ правомъ флангѣ, или мѣстныхъ жителей армянскихъ добровольцевъ. Кстати надо сказать про послѣднихъ, что, по словамъ мѣстныхъ властей, они, за немногимъ исключеніемъ, «дерутся отлично, какъ львы, и приносятъ нашему общему дѣлу большую пользу». Отрадно это слышать послѣ исторіи съ раненіями, усиливаемыми симуляціей и тому подобными прелестями, — изнанкой того шума, какой поднять армянской прессой...

6.

Каждый день приносить намъ что-нибудь, разнообразя хоть незначительно жизнь въ Хой...

Вотъ, на примѣръ, сценка, разыгравшаяся противъ самаго караванъ-сарая. На улицѣ жидкая грязь. Изъ города мѣрно шагаютъ два ослика, нагруженные сѣномъ такъ, что видны лишь понуро опущенныя головы. Совершенно ходячіе стога сѣна. Навстрѣчу имъ гонять въ Хой стадо барановъ. Когда они сошлись, послѣдніе съ остервенѣніемъ набросились и стали рвать въ разные стороны сѣно, не давая осликамъ двинуться. Изголодались, видно, бѣдняги и рады помародерствовать. Какъ ни старались погонщики отгонять, ничего не могли подѣлать: бараны стоятъ сплошной стѣной и морды ихъ тянутся къ сѣну. Иные срываются, падаютъ въ грязь, ихъ топчутъ. Невольно вспоминается аллегорическая картина «Погоня за счастьемъ» — масса людей тянется за женскою фигурой, уносящейся вверхъ... Долго происходила борьба, пока удалось вырвать изъ стада бѣдныхъ осликовъ и спасти остатки сѣна...

На другой день, 12-го декабря, мы спокойно сидѣли у себя дома за чаепитьемъ, какъ вдругъ прибѣжали къ намъ солдаты съ крикомъ: «курды напали!»... Мы выскочили на террасу.

На улицѣ оживленіе. Собрались конные развѣдчики съ патронными лентами черезъ плечо. Высыпали отовсюду ополченцы... Вскорѣ проѣхалъ раненый артиллеристъ... Оказывается, какъ доложилъ бравый фейерверкеръ, ихъ четверо съ фельдшеромъ отправилось въ селеніе Седоваръ. Приблизительно верстахъ въ 2—3 отъ Хоя ихъ обстрѣляло человекъ пятнадцать неизвѣстныхъ, укрывшихся среди прилежащихъ садовъ... Канониръ былъ сразу раненъ.

Всѣ спѣшились. Раненый отвелъ лошадей, а остальные открыли огонь по нападавшимъ, постепенно передвигаясь по колодѣ вдоль дороги, пока послѣдніе не прекратили стрѣльбу... Вскорѣ съ нашей террасы въ направленіи города замѣченъ былъ ярко горящій факель—очевидно зажженный пукъ сѣна на шестѣ. Погорѣлъ онъ минуты двѣ, а затѣмъ опущенъ внизъ... Не сигналъ ли это?.. Отправлена была на мѣсто происшествія сотня казаковъ, но ни въ селеніи, ни въ окрестностяхъ никого подозрительнаго не нашла. Только одинъ персъ съ маузеромъ въ рукахъ, пытавшійся удрать и не остановившійся при окрикѣ, былъ казаками раненъ. Кто были нападающіе, такъ и не удалось выяснитъ. Могли быть и курды, могли быть и фидаи, враждебно настроенные противъ русскихъ...

На слѣдующій день происходило отпѣваніе воиновъ, павшихъ въ бояхъ у Котура, доставленныхъ сюда на верблюдахъ.

Съ ранняго утра построились всѣ части хойскаго гарнизона и расположились шпалерами въ ожиданіи выноса тѣлъ изъ лазарета. Шель снѣжокъ... Слегка подморозило. Отправились мы въ тоннель-базаръ, откуда свернули въ первый же переулочекъ налѣво мимо персидскихъ домовъ къ штабу отряда, противъ котораго находится церковь... Калитка. Внизъ ведутъ глиняныя ступени. Небольшой дворикъ. Слѣва на перекладинѣ между двумя столбами висятъ три небольшихъ колокола. Дальше противъ входа—самая церковь. Стеклянная разноцвѣтная въ персидскомъ стилѣ терраса, на которую ведутъ ступени. Нижнія рамы поднимаются вверхъ и открывается самая внутренность церкви. Слѣва и справа—крытые корридорчики. Небольшой иконостасъ. Два образа по бокамъ царскихъ вратъ. Выше—ярусъ маленькихъ иконъ. Въ глубинѣ—престоль, надъ которымъ куполъ и большое окно. Съ лѣвой стороны вверху—рѣзное деревянное оконце...

Одинъ гробъ покрытъ жестью съ отверстіемъ для лица. Надъ нимъ крышка. Все приготовлено для запайки, такъ какъ тѣло отправляется въ Эривань... Отслужили панихиду... Пропѣли ополченцы. Сказалъ священникъ прочувствованное слово... Запаяли гробъ... Разошлись... Снѣгъ сыпалъ все больше и больше, покрывая землю густой бѣлой пеленой...

А. М.—ъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИНОСТРАННАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

„Rivista militare italiana“ 1916 года; февраль.

Полевая артиллерія на Альпахъ въ зиму 1915—1916 годовъ. Военныя науки въ гимназіяхъ и университетахъ.—Перечень статей.

Статья о службѣ полевой артиллеріи на альпійской границѣ Италіи съ Австріей въ періодъ зимы 1915—1916 годовъ написана майоромъ А. dell'Oro Nermil на самомъ мѣстѣ событій.

По официалънымъ итальянскимъ «Правиламъ» для операцій въ верхнихъ раіонахъ Альпійскихъ горъ предназначаются спеціальныя войска, по ихъ организаціи, подготовкѣ и другимъ особенностямъ дѣйствительно пригодныя къ службѣ въ этихъ суровыхъ раіонахъ, бѣдныхъ средствами какъ продовольствія, такъ и передвиженія. «Дикая мѣстность, суровый климатъ съ частыми непогодами, отсутствіе удобныхъ дорогъ, недостатокъ мѣстныхъ средствъ, трудность снабженія вызываютъ», — какъ указано въ Правилахъ, — «необходимость для обезпеченія жизни и передвиженія особыхъ мѣръ и дѣлаютъ службу въ этихъ раіонахъ возможною только альпійскимъ войскамъ и горной артиллеріи, соотвѣтственнымъ образомъ организованнымъ, обученнымъ и втянутымъ въ дѣло». Характеръ и цѣли текущей войны вызвали, однако, необходимость обращенія на боевую службу въ горахъ не только альпійскихъ частей, но также всей массы итальянскихъ войскъ всѣхъ родовъ оружія за исключеніемъ только конницы, да и то не безус-